

Биггерс Э.

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА
ОХОТНИКИ ЗА ДОЛЛАРОМ

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Золотой век детектива

Эрл Биггерс

**Дом без ключа. Охотники
за долларом (сборник)**

«Алгоритм»

1925

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

Биггерс Э. Д.

Дом без ключа. Охотники за долларом (сборник) /
Э. Д. Биггерс — «Алгоритм», 1925 — (Золотой век детектива)

ISBN 978-5-486-03750-4

Эрл Дерр Биггерс (1884–1933) — классик американского детектива. Окончил Гарвардский университет, после чего работал репортером и театральным критиком в Бостоне. В 1912 г. переехал в Нью-Йорк с уже законченной рукописью первого романа «Семь ключей лысого». В Нью-Йорке Биггерс некоторое время работал журналистом, после чего переключился на драматургическую деятельность, в которой весьма преуспел. Его пьесы ставились как на Бродвее, так и в театрах других стран. Главный герой детективов Биггерса китаец Чарли Чан, симпатичный, немного смешной, но чрезвычайно проницательный сыщик из полицейского участка на Гавайях, оказывается в центре расследования сложных и запутанных преступлений, раскрытие которых не всегда по плечу даже знаменитым детективам Скотланд-Ярда. В этом томе представлены два произведения Биггерса. «Дом без ключа» — первый роман о Чане (1925), в котором главным аргументом в поисках убийцы хозяина дома являются часы со светящимся циферблатом на руке убийцы. Однако существуют и другие улики... В повести «Охотники за долларом» читателю вместе с ее героем, детективом-любителем, предстоит найти украденный у миллионера... один доллар.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-03750-4

© Биггерс Э. Д., 1925

© Алгоритм, 1925

Содержание

Дом без ключа	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	13
Глава IV	17
Глава V	18
Глава VI	20
Глава VII	22
Глава VIII	25
Глава IX	28
Глава X	32
Глава XI	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эрл Дерр Биггерс

Дом без ключа. Охотники за долларом

Дом без ключа

Глава I

Ветер тоски и тревоги

Мисс Минерва была родом из состоятельной бостонской семьи. Она давно уже вышла из романтического возраста, но до сих пор поддавалась очарованию красоты, и даже полудикие виды тихоокеанских островов оказывали на ее душу глубокое действие.

Она любила гулять в Вайкики по берегу перед заходом солнца. В это время дня тени стройных кокосовых пальм удлинялись и углублялись, а заходящее солнце сверкало на Алмазной горе, окрашивая золотом волны прибоя у кораллового рифа. Несколько запоздавших купальщиков плескались в воде, прикосновение которой нежно и тепло, как ласка любимого. У лесенки купальной кабины стояла смуглая девушка в купальном костюме. Какая чудная, стройная фигура! Мисс Минерва, которой было далеко за пятьдесят, почувствовала к ней легкую зависть. Молодость, молодость!.. Подобно стреле взвилось гибкое тело девушки и затем ринулось в волны... Прекрасный, бесшумный прыжок.

Мисс Минерва бросила искоса взгляд на своего спутника. Но Эмос Уинтерслип был нечувствителен к красоте. Эту нечувствительность он возвел в величайший жизненный принцип. Родившись на тихоокеанском острове, он редко бывал на материке и из больших городов знал только Сан-Франциско. Это был типичный пуританин, перенесший строгие принципы своей родины в экзотическую обстановку Гавайских островов.

– Ты бы шел домой! – предложила ему мисс Минерва. – Тебя ждет обед.

– Я пройду с тобой еще до изгороди! – ответил Эмос. – Приходи к нам опять, когда тебе надоест Дэн и все его развлечения. Мы будем очень рады видеть тебя.

– Благодарю! – сказала мисс Минерва. – Но знаешь, мне действительно пора подумать о возвращении домой. Грэс беспокоится обо мне. Сказать правду, я, конечно, веду себя не совсем прилично. Я поехала в Гонолулу на полтора месяца, а околачиваюсь на островах уже десять месяцев.

– Неужели так долго?

– Прямо самой не верится. Каждый день я даю клятвенное обещание начать «завтра» упаковку вещей.

– А это «завтра» никогда не приходит. Тропики крепко держат тебя. Это случается со многими...

– Слабыми людьми? – ядовито dokonчила мисс Минерва. – Нет, друг мой, ты не прав! Я никогда не была слабым, безвольным человеком. Можешь справиться у моих знакомых на Бикн-стрит.

– Ах, страсть к бродяжничеству в крови у Уинтерслипов, – с усталой улыбкой произнес Эмос. – Уинтерслипы считают себя пуританами, но уже издавна питали слабость к более низким широтам.

– Да, в нас есть цыганская кровь. Благодаря ей твой отец оказался китоловом на островах, а ты родился так далеко от родины. Собственно говоря, тебе следовало бы жить в Мильтоне или Роксбюри и ежедневно ходить в контору с портфелем.

– Я сам часто думал об этом. Кто знает, может быть, там я добился бы чего-нибудь в жизни.

Подойдя к проволочной изгороди, спускавшейся к морю, мисс Минерва, улыбаясь, сказала:

– Ну вот, здесь кончается Эмос и начинается Дэн.

По другую сторону изгороди показался человек невысокого роста в белом костюме. Эмос, прервав начатую фразу, сказал «прощай» и повернул назад.

– Эмос! Эмос! Да что же это такое? Скажи мне только, сколько лет ты уже не разговариваешь с Дэном?

– Десятого августа исполнился тридцать один год!

– Срок долгий. А теперь иди сюда и помирись с ним.

– Я? – воскликнул возмущенно Эмос. – Ни за что! Ты, Минерва, по-видимому, не совсем осведомлена о Дэне и его образе жизни. Он позорит наше доброе...

– Но ведь Дэна все уважают! – возразила мисс Минерва. – Он человек почтенный.

– И к тому же богат! – съязвил Эмос. – А я беден. Таков уж мир...

Как ни смела была бостонка по своей природе, но выражение ненависти на лице брата испугало ее. Она поняла, что все ее попытки к примирению не приведут ни к чему.

– Прощай, Эмос! – проговорила она. – Мне так хотелось бы, чтобы ты когда-нибудь приехал к нам в гости в Бостон.

Эмос ни одним жестом не дал ей понять, что слышал ее слова, и быстро зашагал по белому песку.

Обернувшись, мисс Минерва увидела улыбающееся лицо Дэна Уинтерслипа.

– Здравствуй! – воскликнул он. – Добро пожаловать!

– Как поживаешь, Дэн?

Он ласково взял ее за обе руки.

– Очень рад видеть тебя! – сказал он, подтверждая глазами свои слова. Дэн умел разговаривать с женщинами. – Как-то пусто и одиноко сейчас в моем старом доме. Люблю, когда появляется молодое личико, тогда всем веселее.

Мисс Минерва повела носиком.

– Ах, друг мой, я слишком долго жила в Бостоне и вообще на свете, чтобы принимать такие слова за чистую монету.

– Милая моя! Здесь, на Гавайских островах, мы все молоды. Посмотри хоть на меня!

Бостонка посмотрела на него внимательнее обыкновенного. Она знала, что ему уже шестьдесят три года, но только седые волосы на висках выдавали его возраст. На лице, приобревшем за время долгих странствований под полинезийским солнцем цвет темной бронзы, не было ни одной морщинки, ни одной складочки. На материке такому мужчине дали бы на вид лет сорок.

– Мой достопочтенный братец проводил тебя до запретной черты, – сказал Дэн. – Уж не просил ли он передать мне свое нижайшее почтение?

– Я делала не раз попытки примирить вас... – начала мисс Минерва.

– Ах, друг мой, не старайся убивать в бедняге Эмосе эту ненависть ко мне. В ней смысл всей его жизни. Каждый вечер он приходит под рожковое дерево, смотрит на мой дом и ждет... Чего, как ты думаешь? Он ждет, что рука Всевышнего когда-нибудь покарает меня за мои грехи. Да, нельзя не признаться, что Эмос долготерпелив...

Мисс Минерва промолчала.

Огромный дом Дэна и его усадьба отличались почти чрезмерной роскошью, и при виде их бостонка всякий раз приходила в восторг. Здесь росли цезальпинии, напоминавшие гигантские темно-красные зонтики, исполинские священные фиговые деревья, ее любимые азалии, древние, как время, и осыпанные множеством желтых цветов. Но всего прекраснее были цве-

тушие усики выющихся растений, набрасывавших кирпично-красный покров на всю эту великолепную растительность, залитую золотистым тропическим солнцем.

Мисс Минерва подумала: «Что сказали бы мои бостонские знакомые, каждую весну восхищающиеся Бостоном с его цветущими садами? Как они, вероятно, были бы шокированы, так как здешняя роскошь слишком сказочно прекрасна». Багряно-красный фон вполне гармонировал с жизнью такого человека, каким был ее кузен Дэн.

Они подошли к дому. Дэн открыл дверь. Как в большинстве домов на Гавайских островах, жилые комнаты были ограничены стенами только с трех сторон, четвертая же состояла из длинной решетки. В вестибюле с кресла около передней двери поднялась гавайка неопределенного возраста. Это была статная, полногрудая, полная достоинства представительница вымирающего гавайского народа.

– Вот я снова у вас, Камаикуи! – улыбаясь, произнесла мисс Минерва.

– Добро пожаловать! – ответила женщина.

Хотя она была простой служанкой, но говорила с достоинством хозяйки дома.

– Тебе приготовлена комната наверху! – сказал Дэн. – Когда переоденешься, будем обедать.

– Я не заставлю себя долго ждать! – ответила мисс Минерва, поднимаясь на второй этаж.

Дэн Уинтерслип опустился в кресло, изготовленное по его специальному заказу в Гонконге. Через некоторое время лакей принес на подносе коктейль.

– Для двоих, Хаку? – улыбаясь, спросил мистер Уинтерслип. – Не забудьте, что наша гостья из Бостона.

– Да, мистер Уинтерслип! – ответил Хаку и бесшумно исчез.

Мисс Минерва действительно очень скоро спустилась к обеду. Она вошла, размахивая каким-то письмом.

– Дэн! Это уже прямо смешно!

– Что такое?

– Я уже говорила тебе, что мои домашние начинают беспокоиться по поводу моего долгого пребывания на островах. Представь себе, теперь они послали сюда «сыщика»!

– Сыщика? – переспросил Дэн Уинтерслип, удивленно подняв свои косматые брови.

– Да... Конечно, этот шаг несколько завуалирован. Грейс пишет мне, что Джон решил провести свой шестинедельный отпуск здесь. «Хорошо было бы, если бы ты вернулась с ним», – пишет Грейс. – Ловко придумано? А?

– Джон Уинтерслип? Сын Грейс?

– Да! Ты никогда не встречался с ним? Скажу откровенно, ты ему не очень понравишься. Джон славный парень, но пуританин чистой воды.

– Бедняга! – проговорил Дэн, подходя к подносу с коктейлем. – В Сан-Франциско он остановится, наверное, у Роджера. Напиши Джону, чтобы он заехал прямо ко мне.

– Как это мило с твоей стороны, Дэн! Спасибо!

– Не за что... Я люблю молодых людей, даже святош-пуритан. А так как тебя скоро «арестуют» и отправят в лоно цивилизации, то советую подкрепиться коктейлем.

– С удовольствием, – ответила мисс Минерва. – А Барбара скоро вернется домой?

Лицо Дэна Уинтерслипа вдруг просияло, как морской берег при восходе солнца.

– Барбара выдержала экзамен и может выехать в любой день. Вот было бы интересно, если бы она очутилась на одном пароходе с твоим отменным приличным племянником.

– Джону, во всяком случае, это было бы очень приятно. Когда Барбара гостила у нас, мы все были от нее в восторге.

– Да, она славная! – промолвил Дэн. – Я скучал без нее и чувствовал себя таким одиноким.

Мисс Минерва бросила на него лукавый взгляд:

– Те-те-те! Знаем мы, как вы скучали в одиночестве!

– Эмос уж успел разболтать тебе?

– О нет, не он! Извини меня, Дэн, но я удивляюсь тебе. Неужели ты не мог выбрать объектом своего поклонения даму, на которой ты мог бы жениться? В твоём возрасте...

– Ах, Минерва! Я уже сказал тебе, что здесь на островах понятие о возрасте иное, чем у вас на материке. Здесь мы все молоды. На материке я, конечно, вел бы себя иначе. Ты намекнула на одну даму, с которой связывают мое имя. Если мы говорим об одной и той же особе, то я не прочь на ней жениться.

– Я говорю о даме, известной здесь под именем Вайкикской вдовы. Ее муж был летчиком, покончил самоубийством. Бывшая хористка...

– Ах нет! Все это бабские сплетни... Эрлин Комтон была артисткой. Правда, она выступала в небольших ролях. А как бы ты отнеслась к моей женитьбе на ней?

– Упала бы в обморок! Впрочем, прости Дэн, это твое личное дело. Не забывай только о Барбаре. Какие чудные здесь груши! Скажи, Дэн, ты считаешь манго питательным продуктом? А по-моему, это скорее какой-то омолаживающий напиток.

К концу обеда неприятный разговор об Эрлин Комтон был уже забыт и к Дэну вернулось его прежнее благодушное настроение. Кофе им подали на веранду, или, на туземном языке, ланаи, непосредственно примыкавшей к гостиной. Защищенная с трех сторон, она спускалась к белому берегу.

– Какая тихая погода! – проговорила мисс Минерва.

– Да, пассаты стихли. Как бы не подул этот ветер. Он всегда будит во мне какое-то необъяснимое, тревожное чувство, какую-то тоску, я становлюсь тогда сам не свой...

– От этой погоды страдает и молодежь. Я помню, как она неприятно действовала на меня, когда я была здесь в восьмидесятых годах. Тебя я здесь не видала, ты был где-то в Тихом океане.

– Да, но мне много рассказывали про тебя, про твою дивную фигуру. Впрочем, ты сохранила ее и до сих пор.

– Дэн! Как тебе не стыдно говорить об этом... У нас в Бостоне не принято вести такие разговоры...

– Восьмидесятые годы! – со вздохом произнес Дэн Уинтерслип. – Тогда Гавайи были настоящими Гавайями, страной из какой-то комической оперы, и престарелый Калакуа сидел на своем золотом троне.

– Как же, помню его! – сказала мисс Минерва. – Странная компания была тогда у него во дворце. После обеда он проводил время со своими друзьями на королевской ланаи, королевский гавайский оркестр играл у его ног, а он важно-преважно швырял монетки. Да, Дэн, тогда это был прелестный красочный уголок...

– Все в прошлом! – заметил Дэн. – Теперь слишком много рабского подражания материку. Слишком много вашей проклятой техники, культуры: автомобили, граммофоны, радио, черт бы их драл! И, несмотря на все это, глубоко внизу текут неизведанные темные воды... – Дэн поднялся. – Мне хочется посмотреть вечернюю газету. Ты разрешаешь?

– О, пожалуйста!

В комнате воцарилось молчание. Мисс Минерва очень любила это время дня: непродолжительные тропические сумерки и быстрое наступление мягкой чарующей ночи. Водяной покров, яблочно-зеленоватый днем и золотой при закате солнца, стал теперь пурпурным. С верхушки потухшего вулкана – Алмазной горы – замигал желтый огонек. Ниже по берегу вспыхнули огни гавани, а около рифа засверкали фонарики японских сампанов. На рейде неясно вырисовывались очертания старого брига, который, медленно колыхаясь, двигался к гавани. В море с востока входили суда с грузом пряностей, чая, слоновой кости; из гавани они увозили купцов, направляющихся в разные страны за товарами. Здесь появлялись суда всякого вида – новенький щеголеватый пакетбот и неуклюжее грузовое судно, суда из Мельбурна и

Сиэтла, из Нью-Йорка и Йокогамы, из Таити и Рио, суда из любой гавани семи морей. Ибо здесь лежал Гонолулу, узловой пункт Тихого океана, волшебный перекресток, в котором скрещиваются все пути.

Дэн, читавший газету, вдруг вздрогнул и стал задумчиво смотреть вдаль.

– Минерва! Скажи мне, твой племянник Джон – человек надежный?

– Еще бы! А почему это тебе пришлось в голову задать мне такой вопрос.

– Так! – Дэн вскочил. Он производил впечатление человека, принявшего какое-то важное решение. – Хаку!

– Что угодно, мистер Уинтерслип?

– Скажи шоферу! Немедленно большой автомобиль. Но живо! Мне надо на пристань, надо застать «Президента Тейлора».

– Ты уезжаешь, Дэн? – спросила мисс Минерва.

– Да, но я скоро вернусь! – Дэн что-то быстро писал, сидя за письменным столом. – Мне надо переслать письмо.

Через несколько минут Дэн уже ехал на автомобиле в порт. Он приехал перед самым отходом парохода. Вбежав быстро по мосткам, он увидел своего знакомого, младшего офицера Хепворта.

– Вас-то я и ищу! – воскликнул Дэн. – Не будете ли вы так добры передать это письмо моему кузену Роджеру в Сан-Франциско? Я опоздал на почту, да и, сказать правду, этот способ пересылки мне больше по душе. Вы окажете мне очень большую услугу.

– С удовольствием, мистер Уинтерслип. А теперь придется вас попросить сойти на берег. Мы сейчас отчаливаем...

Когда Дэн вернулся домой, мисс Минерва еще не спала. Сообщив ей, что он уже написал Джону приглашение, и пожелав спокойной ночи, он вернулся на веранду, где стояла его походная кровать, окутанная кисейной сеткой от москитов. Но ему не хотелось спать. Глухое, тяжелое беспокойство мучило его. Он вышел в сад. Луна скрылась. Черные волны с какой-то угрозой накатывались на берег. Звезды, обычно столь ласковые и близкие, куда-то спрятались. Дэн стоял и смотрел вдаль... на тот перекресток, где скрещивались все пути...

По другую сторону изгороди из колючей проволоки под рожковым деревом вспыхнул огонек. Брат Эмос! Он почувствовал вдруг братскую нежность. О, как захотелось Дэну броситься к нему, чтобы поговорить с ним о тех незабвенных днях, когда они детьми играли на этом берегу. Невозможно! Дэн это знал. Он вздохнул, и калитка ланаи хлопнулась за ним, калитка без ключа. В этой стране вообще не было принято запирать двери на замок.

Устало опустился Дэн на кресло лицом к бамбуковой занавеске, отделявшей веранду от гостиной. На занавеске появилась тень, на секунду замерла и исчезла. Дэн затаил дыхание... Снова тень.

– Кто там? – вскрикнул он.

Смуглая толстая рука отодвинула занавеску. Показалось приветливое лицо гавайки.

– Я только поставлю фрукты для вас на стол! – сказала Камаикуи. – Спокойной ночи!

Женщина бесшумно исчезла. Дэн рассердился на себя. Что это с ним? Неужели он стал нервным, он, который в своей жизни не останавливался ни перед какими опасностями?

– Эх, старею, должно быть! – пробурчал он, нахмурившись. – Нет, нет, это проклятый ветер действует на меня. Подуют пассаты, и все войдет в обычную колею.

«Подуют пассаты...»

Дэн стал раздумывать: «Здесь, на перекрестке мира, все так неопределенно, так ненадежно...»

Глава II

Цилиндр

В Окленде Джон Уинтерслип пересел на паром. Он чувствовал себя усталым. Более шести суток трясся он в вагоне, а в Чикаго он только пересел с одного поезда на другой и поехал дальше. Довольно! В первый раз ехал он так долго по стране. Как безрадостна и скучна была эта часть Америки!

Щедро расплатившись с носильщиком-инвалидом, у которого вместо правой руки был стальной крючок, Джон опустился на скамью и стал думать о том, что с ним случилось.

Три тысячи миль отделяли его от Бикн-стрит, и ему предстояло еще две тысячи миль пути. Дернуло же его послушаться родных и пуститься в эту авантюру – ехать на Гавайские острова только для того, чтобы наемкнуть мисс Минерве, что пора же, наконец, вернуться к родным пенатам. Он чувствовал себя выбитым из колеи. О, как хорошо было бы очутиться снова в родном Бостоне и снова заняться в банке обычными делами!

Резкий гудок. Джон вздрогнул. Подняв глаза, он увидел вокруг себя сказочную красоту. Утренний воздух был свеж и сух. Перед ним расстилалась гавань, мечта усталого моряка, превратившаяся в действительность. Они прошли мимо Гот-Айленда, он слышал заглушенное эхо рожка, он видел Тамалпиа, гордо поднимающую свою верхушку к сияющему небу, повернул голову и увидел Сан-Франциско, раскинувшийся по множеству горных склонов. Паром бороздил воду. Джон сидел тихо, как мышь. Целый лес мачт и паровых труб! Да, это был тот берег, который навеял дымкой романтизма столько рассказов, восхищавших его в детстве, его – уравновешенного молодого Уинтерслипа из Бостона, неспособного по своей природе на необдуманные выходки. Он различал барку из Антверпена, большой пакетбот с востока, пяти-мачтовую шхуну – пережиток как будто совершенно забытых детских книг. Суда из Тринидада, суда с островов Тихого океана! Поразительная, ошеломляющая картина!

Джон провел рукой по лбу...

– Не сон ли это, может быть, это декорация в театре? Ничего, ничего не понимаю, – пробормотал он.

– Простите, я не расслышала! – услышал он чей-то голос.

Джон повернулся. Рядом с ним стояла красивая девушка испанского типа и вопросительно смотрела на него.

– О, извините! – проговорил, заикаясь, Джон. – Это вышло как-то нечаянно! Не понимаю...

– Чего вы не понимаете?

– Со мной произошло что-то странное! – Джон показал рукой на гавань. – Мне почему-то кажется, что я здесь уже бывал...

– Многие бывали здесь, – недоумевающе произнесла девушка. – Ах нет, не то! Я, собственно, здесь никогда не была.

Девушка несколько отступила от него.

– Конечно, есть много людей, которые никогда не бывали здесь.

Джон чувствовал, что теперь ему следовало бы вежливо приподнять шляпу и отойти к своим вещам. Но вместо этого он сказал:

– Я из Бостона...

– Вот как?

– Видите ли, мне хотелось бы... Собственно, у меня нет никакого права утруждать вас разговором.

– О, пожалуйста! – ответила девушка, подняв на него свои великолепные черные глаза.

И тут произошло то, на что Джон никогда не считал себя способным. Виновата ли была чарующая красота пейзажа, или прекрасные темные бархатистые глаза незнакомки, ласково и несколько недоумевающе смотревшие на него, но ему так захотелось излить перед кем-нибудь свою душу, свой восторг, что он пустился с незнакомкой в разговоры, рассказал ей, чем он занимается в Бостоне, куда едет, громко восхищался красотой природы, вспомнил свое детство, когда он зачитывался рассказами из жизни в экзотических странах. Куда делась его замкнутость и чопорность?..

– Я тоже еду в Гонолулу, – просто сказала девушка.

Паром тем временем подходил к пристани.

– Как жаль, что у меня столько вещей! – произнес Джон. – Я с удовольствием помог бы вам, но, может быть, удастся найти носильщика.

– О, не беспокойтесь, пожалуйста! Я справлюсь и сама. – И, бросив искоса взгляд на картонку с цилиндром, она спросила: – Вы везете цилиндр?

– Да, конечно!

Девушка громко и звонко расхохоталась:

– Простите! Но цилиндр на Гавайских островах... Ха-ха-ха!

Джон гордо выпрямился. Что это значит? Молодая девушка смеялась над ним, над Уинтерслипом? И вдруг чувство какой-то праздничной шаловливой беззаботности охватило его. Вместо того чтобы обидеться на свою соседку, он схватил картонку с цилиндром и швырнул ее за борт. Картонка неохотно опустилась в воду. Несколько человек из толпы пододвинулись к ним. А вдруг этот сумасбродный господин выкинет еще какую-нибудь штучку!..

– Ну наконец-то разделался с ним! – проговорил Джон.

– Зачем вы это сделали? – с укором произнесла девушка.

– А зачем он мне? Эта проклятая картонка все время стесняла меня. Теперь нам не надо ждать носильщика, я могу помочь вам нести вещи...

– Благодарю вас, я сама! Знаете, я чувствую себя виноватой. Как это странно. Пора сходить... Прощайте!

С этими словами девушка направилась к мосткам.

– Будьте добры, только на одну секунду! – вскричал Джон. – Я надеюсь, я был бы очень рад...

Но толпа уже разъединила их. Он увидел только ее улыбавшиеся черные глазки, еще момент – и девушка скрылась из виду так же безвозвратно, как его картонка с цилиндром.

Глава III

Полночь на Русском холме

Через несколько минут Джон Уинтерслип сошел на берег в Сан-Франциско. Не успел он пройти и нескольких шагов, как к нему через толпу протиснулся шофер-японец, узнавший в нем сразу жителя восточных штатов и к которому он был послан с поручением от Роджера Уинтерслипа.

– Мистер Роджер Уинтерслип, – вежливо доложил японец, – к сожалению, не мог приехать встретить мистера Джона Уинтерслипа, но просит его через час пожаловать к нему в контору.

Джон проехал в дом Роджера на Ноб-Хилл, принял ванну, переоделся и к назначенному сроку был в конторе Роджера. Его родственник оказался низеньким, цветущим мужчиной лет пятидесяти. Ласково приветствовав Джона, он повел его завтракать в один из известных клубов Сан-Франциско.

– Ну, как тебе нравится город? – спросил Роджер.

– Я уже влюбился в него! – просто ответил Джон.

– Да? – Лицо Роджера осветилось улыбкой. – Да, этот город не может не нравиться. История его коротка, но чревата событиями. Сравни его с другими городами, ну, скажем, с Лос-Анджелесом. Наш Сан-Франциско...

И Роджер сел на своего любимого конька.

– Писатели, – сказал он в заключение своей длинной тирады, – любят сравнивать города с женщинами. Сан-Франциско – это женщина, о которой нельзя слишком много рассказывать в кругу своей семьи. Не потому, чтобы она не была вполне пристойна, – нет, но ее чулки чуточку тоньше, смех чуточку звонче, чем это допустимо в обществе, – и люди не поймут ее. Кроме того, воспоминание о ней слишком приятно, чтобы его часто можно было воскрешать в своей памяти... Ах, чуть не забыл! Мой кузен Дэн Уинтерслип из Гонолулу просит тебя исполнить одно поручение.

– Меня?! Вот странно!

– Да. Такое доверие должно тебе льстить. Впрочем, его ты можешь выполнить только с наступлением темноты. А теперь я поеду показывать тебе город.

Через несколько часов Джон, опьяненный впечатлениями, сидел с Роджером в каком-то шикарном варьете и смотрел на сцену.

– Послушай, Джон! – обратился к нему Роджер. – Почему бы тебе не переехать сюда в Сан-Франциско? Вступай ко мне в дело, я ведь уже начинаю стареть...

– Не могу! Моя невеста Агата Паркер ни за что не согласится расстаться с Бостоном.

– Вот как! А ведь настоящая жена едет с мужем куда угодно. Значит, я несколько ошибся в тебе.

– В каком смысле?

– Видишь ли, в прежние времена Уинтерслипы были тем материалом, из которого выковывались пионеры. Уинтерслипы не увлекались мишурой цивилизации. В один прекрасный день они двигались в путь и исчезали на горизонте. Они умели жить полной жизнью. Впрочем, ты принадлежишь к другому поколению. Тебе не понять этого.

– Почему?

– Потому, что тебя, по-видимому, удовлетворяет тихая размеренная рысь. Тебе незнакома непонятная тревога, внутреннее волнение, жажда деятельности и борьба... Бывало ли с тобой, чтобы ты не пошел спать из-за какого-нибудь пустяка, ну, скажем, просто потому, что ты молод и луна освещала берег, омываемый ночным морем? Приходилось ли тебе лгать, чтобы

защитить, в сущности, недостойную женщину? Приходилось ли тебе объясняться в любви... гуляющей девке?

– Конечно, нет! – с гордым возмущением ответил высоконравственный бостонец.

– Бродил ли ты когда-нибудь по темным подозрительным улицам чужого города? Дрался ли ты с судебным офицером просто на кулаках, осыпая его градом ударов? Подкарауливал ли ты когда-нибудь из-за угла своего врага и затем хватал ли его за глотку? Бывало ли с тобой...

– Знаешь, человек, о котором ты мне рассказываешь, не возбудил бы во мне особенной симпатии, – прервал его Джон.

– Вполне согласен с тобой! Но я привел тебе события из моей жизни. – Роджер не сводил глаз с лица Джона. – Да-да... Значит, я ошибся в тебе. Ты – пережиток пуританской эпохи.

Джон хотел дать ему отпор, достойный настоящего бостонца, но варьете было так красиво и уютно, музыка так ласково-чарующа, женщины так обаятельны и прекрасны, что Джону не захотелось портить себе настроение. И только один вопрос мелькнул в его голове: не издевается ли над ним его пожилой родственник, умудренный житейским опытом?..

В одиннадцать часов вечера они вышли из варьете лучшими друзьями. В автомобиле Роджер зажег электрическую лампочку и подал Джону письмо.

– Мне передал его третьего дня младший офицер с «Президента Тейлора», – прибавил он.

Джон стал читать письмо, написанное торопливым нервным почерком:

«Милый Роджер!

Ты и тот молодой человек, который по пути к нам остановится в твоём доме, можете оказать мне большую услугу. Прежде всего передай Джону мой привет и скажи ему, что я буду очень рад видеть его у себя.

Теперь перехожу к моей просьбе. У тебя есть ключ от моего дома на Решшиэн-Хилл. Лучше поезжай туда вечером, когда там нет управляющего. Свет выключен, но в буфете есть свечи. В кладовке на чердаке стоит старый коричневый чемодан. Если он замкнут, сломай замок. В нижнем отделении ты найдешь деревянную шкатулку, окованную медью. На ней инициалы *Т. М. В.*

Тщательно заверни ее и унеси. Пусть Джон спрячет ее в своих вещах и как-нибудь ночью, на полпути к нам, выбросит ее за борт. Скажи ему, что никто не должен этого видеть. Когда шкатулка будет в твоих руках, пошли мне шифрованную телеграмму и попроси Джона также послать мне телеграмму после того, как эта вещь опустится на дно Тихого океана. Тогда я буду спать спокойнее.

Роджер! Об этом никому ни слова! Ни одной душе! Ты понимаешь? Мертвое прошлое иногда нуждается в посторонней помощи для погребения своих мертвецов.

Твой кузен *Дэн*».

– Что же делать? – спросил Джон.

– Надо действовать! Если мы можем так легко избавить старика Дэна от бессонницы, надо помочь ему. Не правда ли?

– Хорошо! – нерешительно проговорил Джон.

– Так едем туда!

Подъехав к дому Дэна, Роджер открыл его своим ключом, и они вошли в вестибюль. За ним виднелся огромный холл и смутные очертания лестницы. Мебель в белых чехлах напоминала каких-то призраков, жутких, но терпеливых. Роджер вынул коробочку спичек.

– Забыл захватить электрический фонарик. Сейчас принесу свечи. Подожди меня здесь! Сейчас вернусь.

Джону показалось, что прошла целая вечность, прежде чем Роджер вернулся со свечами.

– Каждому по одной! – проговорил он.

Джон взял свечу в подсвечнике и высоко поднял ее. Мигающий желтый огонек давал мало света и только еще сильнее подчеркивал густые тени.

Роджер шел вперед по большой лестнице. У входа в третий этаж он остановился.

– Нет, друг мой, я положительно становлюсь стар для таких авантюр. Забыл взять инструменты. Надо сходить за ними. Я знаю, где они лежат. А ты поднимайся наверх и поищи в кладовке чемодан.

– Хорошо! – сказал Джон.

«Он во второй раз почему-то оставляет меня одного, – пронеслось в его голове. – Как жутко здесь!»

Держа над головой свечу, он стал подниматься по узкой лестнице. Дошел до верха. Остановился. Где-то треснула половица. Мрак, повсюду мрак. Странно! Треск повторился совсем близко от него. Он хотел обернуться, но кто-то в этот момент ударом кулака вышиб у него из рук подсвечник. Он покатился по полу, и свет погас.

– Осторожней! – закричал Джон. – Кто здесь?

Слабый лунный свет проникал через отдаленное окно. Джон заметил силуэт мужчины и понял, что ему надо быть настороже. Вдруг сильный удар кулака свалил его с ног. Он на секунду потерял сознание, но затем услышал шаги человека, сбегавшего вниз по лестнице. Джон встал, стряхивая пыль и сор со своего смокинга, составлявшего гордость его бостонского портного.

– Что случилось? – вскричал прибежавший Роджер. – Кто-то сбежал вниз по кухонной лестнице. Кто это?

– А я почем знаю? – довольно резко оборвал его Джон. – Этот господин мне не представился.

Щека Джона ныла; приложив к ней платок, он заметил кровь.

– Он ударил меня рукой, на которой было кольцо. У этого незнакомца не особенно изысканный вкус!

– Он ударил тебя? Вот те на! Джон! Джон! Сюда! Иди-ка сюда, смотри! Чемодан сломан, шкатулки нет! Бедный, бедный Дэн.

Джон не ощущал никакого сожаления к этому Дэну. Напротив, он злился на него за то, что тот втравил его в такую гнусную историю.

Роджер продолжал поиски. Они спустились на первый этаж, прошли в кухню. Дверь ее была распахнута, окно выбито.

– Мне кажется, надо немедленно дать знать полиции! – сказал Джон.

– Совершенно лишнее! Завтра прикажу вставить стекло... Бедный Дэн! Неприятно! Нас постигла неудача. Не думаю, что он теперь почувствует к тебе особую симпатию.

– Это меня очень мало трогает! – резко ответил Джон.

– И как это ты не задержал этого парня, который ударил тебя? Надо было...

– Послушай, Роджер! – резко прервал его Джон. – Все произошло так неожиданно. Откуда я мог знать, что здесь на чердаке мне придется иметь дело с тяжеловесом? Он набросился на меня из-за угла, а я был не в форме.

– Да я не хотел обидеть тебя, друг мой.

– Я сознаю свою ошибку: мне следовало перед отъездом на Дикий Запад потренироваться в боксе.

– Заедем в аптеку, тебе перевяжут рану, а потом домой! – ласковым голосом проговорил Роджер.

Дома их ожидала приятная неожиданность. Нечто легкое, воздушное в облаке тюля. Это была Барбара, дочь Дэна, красивая, живая, гибкая девушка.

– Какими судьбами ты здесь? – вскричал Роджер.

– Здравствуйте, дядюшка! – воскликнула девушка, нежно целуя его. – Я приехала на автомобиле из Бирмингема. Переночую у тебя, а утром уеду на «Президенте Тейлоре». А это Джон Уинтерслип?

– Кузен Джон! – улыбаясь, сказал Роджер. – Он тоже заслуживает поцелуя, так как провел сегодня неприятный вечер...

С быстротой молнии девушка подскочила к Джону и чмокнула его в щеку. И на этот раз бедный Джон оказался неподготовленным!

– Только для первого знакомства! – заявила Барбара. – Ты тоже едешь на «Президенте Тейлоре»? Вот хорошо-то! Ну а куда же ты повезешь нас сегодня, Роджер?

– Сегодня? В такой поздний час? – тихо сказал Джон. – Ведь уже пора спать!

– Да ведь еще только двенадцать. Едем!

И Джон, несмотря на свое страстное желание улечься поскорее в постель, повиновался этой решительной, энергичной девушке, и все трое сошли к автомобилю.

– Так куда же? К китайцам? Хорошо?

Собственно говоря, Джона не интересовали ни китайские, ни мексиканские, ни итальянские, ни французские рестораны, куда они заезжали в эту ночь. Но он мужественно принимал участие в объезде всех этих национальных уголков, оскорбил свой бостонский пищеварительный аппарат самыми невероятными кушаньями и протанцевал по крайней мере тысячу миль со стройной Барбарой. Наконец в «Моде Пита» она, скушав яичницу, заявила, что пора домой. Было уже три часа ночи.

Прощаясь с Джоном, Барбара спросила:

– А что это с вашей щекой?

– О, пустяки! – ответил он, дотрагиваясь до раны. – У вас в Сан-Франциско начинается Запад. Маленькая стычка. Спокойной ночи!

Обрывки самых сбивчивых и странных мыслей носились в голове Джона, когда он засыпал в спальне в доме своего родственника. Сияющее море. Картонка с цилиндром... Девушка с прекрасными черными глазами. Барбара... Тетя Минерва... и шкатулка с инициалами *Т. М. В.*

Глава IV

Университетский товарищ

Когда Джон на другой день подъехал с Барбарой и Роджером к пристани, от которой отходил «Президент Тейлор», там уже собралась большая группа провожающих. На палубе к Барбаре подошел высокий широкоплечий господин в белом костюме.

– А, Гарри, здравствуйте! – сказала она. – Позвольте вас познакомить: Джон Уинтерслип из Бостона, мой друг Гарри Дженнисон.

Мистер Дженнисон был очень красив. Смуглое лицо, загоревшее под лучами тропического солнца, белокурые выющиеся волосы, серые глаза, глядевшие самодовольно и несколько нагло. Дженнисон принадлежал к тому типу мужчин, на которых женщины оборачиваются и которых никогда не забывают. Он крепко пожал руку Джона.

– Вы тоже едете на «Президенте Тейлоре»? О, как хорошо! Надеюсь, что мы сумеем развлечь нашу даму.

Приближался момент отхода парохода. Джон подошел к борту. Прощальный привет, напоминания, обещания. На палубу бросали конфетти и серпантин. Эти проводы были как бы последней преходящей связью с сушей. Мостки убрали, пароход начал медленно отваливать от берега. На палубе оркестр заиграл «Алоха-ое!», самую трогательную, самую меланхолическую прощальную песню, какую только знает мир. К своему великому удивлению, Джон почувствовал, что он растроган. Его соседка, миссис Мейнар, семидесятилетняя старушка, ехавшая в сопровождении прислуги-китайки, вытирала слезы, градом катившиеся по ее увядшим щекам.

– Дура я, дура! – говорила она. – Уж в который раз уезжаю из Сан-Франциско и всякий раз плачу. А почему? Сама не знаю. Жаль расставаться с этим городом?.. Да!

Уже в первый день пути Джон обнаружил, что своим присутствием он мешает Барбаре и Дженнисону, и проводил время на палубе или в каюте за чтением. Он вез с собой много книг и часть их отдал стюарду Боукеру, который сразу же проявил к нему особое внимание, так как оказалось, что они учились вместе в университете.

– Да, сэр, – сказал Боукер, – я кончил университет в девятьсот первом году, десять лет работал в бостонской «Газетт» репортером, редактором, одно время был издателем. Быть может, мы встречались с вами в баре Эдамса накануне футбольного матча.

– Весьма возможно!

– Конечно! – И Боукер, облокотившись о борт, погрузился в воспоминания. – Хорошее было времечко, сэр. Да, в те времена журналист, стоявший не на высоте, считался позорящим свою профессию. «Газетт» редактировалась, в сущности, в ресторане, «Арч-инн». Туда мы, журналисты, и приносили редактору наши статьи. У него был там свой собственный письменный стол. Если кто-либо из нас давал сенсационную статью, редактор угощал автора коктейлем. Счастливые дни! – со вздохом произнес человек с дипломом Дублинского университета. – Я знал все кабаки в Бостоне и мог в любом получить кредит. А теперь их уже нет! Мой товарищ из Фриско рассказывал мне, что они исчезли. Все пошло к дьяволу, как и моя профессия. Газеты сливаются, увеличивают вдвое тираж, печатают только самое интересное, а сотни талантливых людей выброшены на улицу. И многие из нашего брата кончили так же, как я. Сэр, может быть, я когда-нибудь смогу быть вам полезен. Я к вашим услугам.

– Благодарю вас, Боукер! – ответил Джон.

Вечером Джон сидел одинокий на палубе. Мимо него проскользнула парочка, тесно прильнувшая друг к другу. Джон узнал Барбару и Дженнисона. «Надеюсь, что мы с вами сумеем развлечь нашу даму», – вспомнил он слова Дженнисона при отходе парохода. Гм! Его доля участия в деле развлечения кузины будет, по-видимому, очень невелика.

Глава V

Кровь Уинтерслипов

Предположения Джона вполне оправдались. Ему очень редко удавалось поговорить с Барбарой. Дженнисон почти неотлучно следовал за ней, и Джону казалось, что он мешает им.

Штиль на море сменился снова сильным штормом, и капитан, обещавший Барбаре прийти в Гонолулу в понедельник вечером, заявил, что, к сожалению, пассажирам не удастся сойти на берег раньше вторника.

Джон слонялся по пароходу, изредка вступая в разговоры с некоторыми пассажирами. Как-то вечером он на палубе разговорился с миссионером, ехавшим на далекие острова Тихого океана.

– Вы родственник мистера Дэна Уинтерслипа? – спросил его миссионер.

– Да!

– Я знаком с ним, встретился в восьмидесятих годах. Много воды утекло с тех пор. Я жил и проповедовал тогда на Апианге, уединенном островке Джильбертова архипелага. Однажды ранним утром какой-то бриг пристал к рифу. Шлюпка с судна двинулась к берегу. Туземцы побежали на берег. Я с ними. Увидел в шлюпке нескольких белых. Команда судна показалась мне очень подозрительной. Командовал высокий, статный белый. В шлюпке стоял длинный сосновый гроб. Белый представился мне. Назвался старшим офицером Уинтерслипом с брига «Девушка Шило». Как только он назвал мне судно, я понял, с кем имею дело. Знал я про гнусные дела и историю этой «Девушки Шило». Уинтерслип поспешно объяснил мне, что капитан судна умер накануне и они привезли гроб на сушу во исполнение его последней воли.

Так!... – Мистер Эптон задумчиво устремил свой взгляд на отдаленную береговую линию Оаху. – Я смотрел на этот грубо сколоченный ящик; четыре матроса-малайца вытащили его из шлюпки на берег. «Так в нем покоится Том Брэд», – сказал я. Молодой Уинтерслип сделал положительный жест головой: «Да, этого нельзя отрицать», – и я понял, что в этот момент он думал о заключительном акте карьеры человека, пользовавшегося в Тихом океане отвратительной репутацией, думал о закоренелом негодяе, не признававшем никаких законов, о пирате и авантюристе, хозяине мерзкого судна «Девушка Шило», Томе Брэде, работорговце...

– Работорговце? – недоверчиво спросил Джон.

Миссионер рассмеялся:

– Ах да, я и забыл, что вы из Бостона. Работорговец, сын мой, это хозяин судна, поставляющего за известную сумму на плантации рабочих, которые едут туда добровольно, но чаще под угрозой револьвера. Теперь это мерзкое ремесло отошло в область преданий. Но в восьмидесятих годах... Ужасное ремесло, будь оно проклято! Продолжаю... Уинтерслип с командой понесли гроб по берегу и затем начали рыть могилу под кокосовой пальмой. Я шел за ними. Предложил прочитать молитву. Уинтерслип усмехнулся. «К чему?» – сказал он мне. Но все-таки в то чудное сияющее утро под пальмами я напутствовал душу человека, которому придется отвечать за свои ужасные прегрешения. Уинтерслип позавтракал у меня. Мне было от души жаль этого юного человека, который занимается таким ужасным ремеслом. Я долго убеждал его бросить это гнусное дело, и он в конце концов дал мне слово, что отведет судно в Сидней и займется чем-нибудь другим. Я слышал, что это был действительно его последний рейс. Мои убеждения подействовали. Однако мне уже пора спать. Время позднее.

И миссионер, пожелав присутствующим спокойной ночи, пошел в свою каюту.

– Какой смешной этот миссионер! – вмешалась в разговор старая дама, сидевшая рядом с Джоном. – Он слишком много воображает о себе. Если Дэн Уинтерслип переменил свою профессию, то только потому, что занялся более выгодным делом, – ядовито прибавила она.

Джон поднялся:

– Спокойной ночи, мадам!

– Скоро приходим, сэр! – сказал Боукер, встретив его на палубе.

– Очень рад...

– Вот уже видны огни в гавани. А все-таки Гонолулу – мертвый город. В девять часов вечера тротуары пусты. Мистер Уинтерслип, мне очень хотелось бы дать вам один совет, как старому университетскому товарищу. Можно?

– Пожалуйста, Боукер, я очень тронут...

– Не пейте околехау! Это специфический напиток в Гонолулу. Состав его нам неизвестен. Несколько глотков и вы наверху блаженства. Но потом приходится переживать адские муки. Говорю по собственному опыту, сэр.

– Благодарю вас, Боукер!

На пароходе гремела музыка. Пассажиры устроили последний маскарад. Джон видел мельком свою кузину Барбару в прелестном старинном стильном костюме, Дженнисона в костюме пирата, который очень шел ему. Публика отдавалась необузданному веселью, иногда переходившему, по мнению Джона, даже границы приличия. Он не принимал в этом празднестве никакого участия.

Вечером, гуляя по палубе, он увидел в укромном уголке Барбару с Дженнисоном и в ужасе отшатнулся. Его кузина лежала в объятиях мужчины, ее стильный костюм эпохи Марии-Антуанетты, в котором она красовалась на маскараде, подчеркивал всю непристойность ее позы. Ни она, ни Дженнисон не заметили Джона, так как для них не существовало окружающего. Их губы слились в упоении страсти.

Джон быстро повернул к своей каюте. В тот же миг у него появилось твердое решение поскорее удрать отсюда. Он понял, что здесь ему не место. Эта история со шкатулкой, его кузина Барбара, этот дядюшка Дэн с подмоченной репутацией, работорговец в отставке. Нет, надо держаться подальше от всей этой милой компании. Вырвать отсюда тетю Минерву и поскорее назад в родную Новую Англию!

Глава VI

За бамбуковой занавеской

Но если бы Джон мог увидеть в этот момент свою тетку, он понял бы, что ему нелегко будет исполнить свое решение, увезти ее из Гонолулу.

Мисс Минерва полулежала на циновке в благоухающем саду гавайского квартала в Гонолулу. Над ее головой колебались матово-золотистые китайские лампы с багряно-красными буквами. Шея была украшена гирляндами желто-бурых цветов имбиря. Убаюкивающие звуки флейты и стальной гитары дрожали в полуночном воздухе, на лужайке под финиковыми пальмами гавайские мальчики и девочки носились в меланхолически сладострастной пляске, принимая подчас такие позы, о которых мисс Минерва не решилась бы рассказывать своим бостонским приятельницам.

Мисс Минерва была чрезвычайно довольна: осуществилась мечта ее жизни. Она, белая женщина, присутствовала на луау, старинном гавайском народном празднике, куда редко допускались белые. Перед ней на другой циновке стояло угощение. Без малейших колебаний она пробовала все, что предлагалось ей гостеприимными хозяевами, – странные кушанья, зашитые в большие бурые листья. Она отведала пои – гавайский напиток, поданный в тыквенных бутылках причудливой формы, попробовала сваренных в молоке кокосовых орехов, каракатиц, креветок, лиму, или морские водоросли, и даже сырой рыбы. Сегодня ночью ей будут сниться странные, но приятные сны!

...Снова пляски. Луна плела кружевные узоры на сочной траве лужайки, звуки инструментов становились все громче и громче. Гавайская молодежь, вначале стеснявшаяся присутствия белой женщины, дала полную волю своим чувствам. Мисс Минерва, закрыв глаза, прислонилась к стволу высокой пальмы. Даже в эротических песнях слышались нотки глубокой меланхолии, и они трогали ее сильнее, чем всякая симфония.

Приподнялась завеса, и мисс Минерва мысленно перенеслась в прошлое, в примитивное, дикое прошлое этого острова, назад к тем дням, когда сюда не ступала еще нога белого человека.

Музыка смолкла. Мисс Минерва простилась с гостеприимными хозяевами и поехала домой. Автомобиль катился по молчаливым опустевшим улицам Гонолулу. Когда он проезжал мимо здания суда на Кинг-стрит, часы пробили час. «Как поздно», – подумала она. Железные ворота, которые вели во владения Дэна, были заперты, и мисс Минерва, выйдя из автомобиля, пошла к передней двери. На небе выплыла луна, бросила серебряный поцелуй водам великого перекрестка и затем снова скрылась за перистыми облачками. Стараясь не разбудить Дэна, мисс Минерва тихо открыла незапертую дверь, которая вела в большую гостиную. Глубокий мрак окружал ее, но она уверенными шагами шла по гладкому паркету. Пройдя уже полпути до двери, ведущей в вестибюль, она вдруг остановилась в изумлении, как бы окаменев на месте.

В каких-нибудь пяти шагах от нее показался освещенный циферблат часов, рука, на которой они находились, двигалась.

Но недаром мисс Минерва более полвека тренировала себя, приучая к самообладанию. Другая женщина на ее месте вскрикнула бы или упала в обморок от неожиданности, но у бостонки не дрогнул ни один мускул, ни одним движением она не выдала того, что заметила что-то необыкновенное. Она сразу осознала положение. Человек, проникший через незапертую дверь в дом Дэна, по-видимому, забыл о фосфоресцирующем циферблате и считал себя в темноте невидимым и в полной безопасности. Его рука с часами продолжала двигаться, и мисс Минерва, вполне овладевшая собой, ясно увидела, что на циферблате не видна цифра «два». Человек ждал, чтобы она ушла. «Если я не подниму тревоги, – подумала мисс Минерва, – и

вообще сохраняю полное спокойствие, то моей жизни не угрожает никакая опасность. Только выйдя за бамбуковую занавеску, отделяющую вестибюль, я смогу разбудить прислугу».

И мисс Минерва, сжав губы, медленно, стараясь не производить ни малейшего шума, тихими шагами направилась к бамбуковой занавеске, не сводя глаз с фосфоресцирующего циферблата. Часы показывали двадцать минут второго. Ей показалось, что прошла целая вечность, пока она дошла до бамбуковой занавески и вышла к лестнице. Добравшись до своей комнаты, она, как любая женщина, быстро заперлась на ключ и в изнеможении опустилась в кресло.

Но уже через две секунды она встала, сбежала с лестницы и бросилась прямо в комнату японца-лакея.

– Хаку! – вскрикнула она. – Вставайте, в гостиную кто-то забрался!

Японец быстро вскочил, набросил на себя пестрое кимоно. Из соседней комнаты показалась фигура Камаикуи.

– В гостиную кто-то забрался! – повторила бостонка.

– Пойдемте, мадам! – сказал японец.

И обе женщины под предводительством Хаку пошли в гостиную. Хаку зажег электричество. Ни души. Лакей и служанка удивленными детскими глазами поглядывали на мисс Минерву. И с чего это ей взбрело в голову поднимать людей с постели? Мисс Минерва слегка вспыхнула от смущения.

– Вероятно, это мне только показалось! – прошептала она. – В комнате все в порядке. Мистер Уинтерслип плохо спал последнее время. Не надо его тревожить.

Она подошла к двери, которая вела на ланаи, и отдернула занавеску. Светлая луна освещала большую часть веранды, и там, по-видимому, порядок тоже не был нарушен.

– Дэн, ты спишь? – тихо спросила мисс Минерва.

Ответа не последовало.

– Дэн! Дэн!

Теперь мисс Минерва уже была твердо убеждена, что она сделала из мухи слона, и уже собиралась уйти к себе наверх, как ее глаза, освоившиеся с полумраком, заметили следующее: походная кровать Дэна, стоявшая на веранде, была днем и ночью покрыта сеткой от moskitov. Теперь сетки не было.

– Идите сюда, Хаку! – сказала мисс Минерва. – И зажгите электричество.

Хаку зажег лампу, ту самую лампу с зеленым абажуром, при свете которой Дэн обычно читал газету. Гавайка неслышной походкой проскользнула мимо мисс Минервы на веранду, и вдруг дикий крик, полный ужаса и страха, прорезал ночной воздух.

Мисс Минерва и Хаку бросились к кровати Дэна. Сетка от moskitov была сорвана; запутавшийся в ней Дэн лежал мертвый на левом боку. Когда мисс Минерва наклонилась к Дэну, крошечная безвредная ящерица гекко пробежала по его груди и плечу, оставив на белой пижаме убитого темно-красные следы.

Глава VII

Появление Чарли Чана

– Дайте знать в полицию! И позовите сюда мистера Эмоса! – скомандовала мисс Минерва.

Хаку бросился к телефону, и через какие-нибудь десять минут в дом Дэна Уинтерслипа вошли трое мужчин в штатском. Один из них, высокий угловатый мужчина с наружностью судовладельца, выступил вперед.

– Я Хэллет, начальник полиции. Где убитый?

– На веранде! – ответила мисс Минерва.

Начальник полиции бросил на нее недружелюбный взгляд: он не любил, когда при расследовании уголовных дел присутствовали женщины.

– Доктор! Пожалуйста! – сказал Хэллет своему спутнику, показывая на веранду.

Когда они вышли осмотреть убитого, мисс Минерва обратила внимание на третьего господина, стоявшего несколько поодаль, и чуть не вскрикнула от неожиданности. На жарких Гавайских островах большинство людей худощавы, но этот человек составлял редкое исключение. Он был тучен, но ходил легко и изящно. Мисс Минерве бросились в глаза его толстые, пухлые щеки, кожа оттенка слоновой кости; черные волосы были коротко подстрижены, раскосые глаза отливали янтарем. Проходя мимо мисс Минервы, он поклонился ей с изысканной вежливостью.

– Эмос! – воскликнула она. – Кто это?

– Это Чарли Чан! Я очень рад, что они взяли его сюда. Он считается лучшим сыщиком Гавайских островов.

– Но ведь он китаец!

– Не подлежит никакому сомнению.

Мисс Минерва в изнеможении опустилась на стул...

Через несколько минут Хэллет снова появился в гостиной.

– Вы мисс Минерва Уинтерслип? Очень приятно. Позвольте сообщить вам результат осмотра убитого. Врач констатировал, что мистер Дэн только что скончался. Сейчас я не намерен вас допрашивать, но не можете ли вы дать мне каких-нибудь указаний относительно времени, когда могло произойти убийство?

– Могу, – спокойно заявила бостонка. – Это произошло не позднее двадцати минут второго, ну, скажем, четверть второго.

Хэллет удивленно поднял на нее глаза:

– Вы в этом уверены?

– Вполне. Я установила время по часам убийцы.

– Что? Вы его видели?

– Этого я не говорю. Я сказала, что видела его часы на руке.

Хэллет нахмурился:

– Так! А позвольте спросить, что вы делали сегодня вечером?

– Я была дома до половины девятого, затем у знакомых на луау.

– Как себя чувствовал последнее время мистер Уинтерслип?

– Он был чем-то расстроен.

– Вот как! Расскажите, пожалуйста, все подробнее.

Мисс Минерва с педантичной точностью сообщила о всех событиях жизни Дэна Уинтерслипа за то время, что провела в его доме.

– Две недели тому назад мы сидели с ним на веранде и читали газеты. Вдруг Дэн вскакивает очень взволнованный, быстро пишет какое-то письмо и уезжает на пристань, чтобы пере-

слать его в Сан-Франциско Роджеру Уинтерслипу с уходящим пароходом «Президент Тейлор». В среду он получил телеграмму, которая его страшно рассердила.

– Телеграмму? А что в ней было?

– Она была адресована не мне.

– Ну, это все равно. Мы выясним. Продолжайте.

– Потом все шло обычным путем. Вчера мы обедали с ним вместе. Во время обеда его вызвали к телефону, и мне волей-неволей пришлось слышать его разговор. Он просил какого-то Эгана обязательно приехать к нему в одиннадцать часов. Говорил он очень взволнованным голосом.

– Эгана? А, это владелец отеля «Рифы и пальмы». Так... А больше вы ничего не имеете сказать?

– Нет.

– Благодарю вас! А теперь позовите сюда прислугу.

Хаку и Камаикуи пришли испуганные, с широко раскрытыми глазами. Японец твердо заявил, что он спал с девяти часов вечера и ничего не слышал. Камаикуи же сказала:

– Я принесла сюда фрукты. Вон там, на столе. Мистер Дэн, мужчина, женщина. Очень сердитые.

– В котором часу это было? – спросил Хэллет.

– Десять часов, думаю так. В одиннадцать, слышу, говорят, опять мистер Дэн и мужчина.

Теперь не так сердитые.

– А ты знаешь мистера Джима Эгана?

– Видела его.

– Был это его голос?

– Не знаю.

– Хорошо, можете идти оба! – проговорил Хэллет. – Посмотрим-ка, что делает наш Чарли.

Они нашли толстопузого китайца на веранде, ползающим около стола и что-то высматривающим на полу.

– Ну что, Чарли? Нашли нож?

Чан, приподнимаясь, сделал отрицательный жест головой.

– В настоящее время не вижу ни одного ножа в непосредственной близости к месту преступления, – изрек китаец. – Но вот что мне известно: у убийцы был свой кинжал. Убивал он в лайковых перчатках. Из книги поспешно и неаккуратно вырвана одна страница.

– Ну, Чарли, следов немного.

– Может быть, но потом их будет больше. Кто знает?

– Нам пора! – прервал его Хэллет. – Мисс Уинтерслип, нам придется завтра еще раз потревожить вас. Прощайте!

Мисс Минерва пристально посмотрела на китайца.

– Человек, совершивший преступление, должен быть задержан! – решительно заявила она ему.

Заплывшие сонные глазки китайца воззрились на бостонку:

– Что должно свершиться, то свершится!

– Ах, этот ваш Конфуций! – раздраженно воскликнула она. – Я не сторонница доктрины бездействия.

Легкая усмешка пробежала по лицу китайца:

– Не беспокойтесь! Силы судьбы не бездействуют, а человек может помочь им. Прощайте!

Мисс Минерва отправилась в свою комнату, прилегла, но ей не спалось. На рассвете она встала и подошла к окну. Ветер изменился, подули пассаты. «Бедный Дэн! – подумала мисс Минерва. – Он ждал пассатов с таким нетерпением!»

Легкий стук в дверь. Вошла Камаикуи и молча сунула мисс Минерве в руку какой-то предмет. Это была старинная брошка.

– Камаикуи! Это что такое?

– Много, много лет была у мистера Дэна. Месяц прошел, отдал женщине, там на берегу.

Глаза мисс Минервы сузились:

– Той, что зовут Вайкикской вдовой?

– Да.

– А откуда у тебя эта брошка?

– Подняла на полу на ланаи. Когда полиция еще не был.

– Спасибо, Камаикуи, но, смотри, об этом ни слова! Никому, поняла?

– Слушаю, госпожа.

Мисс Минерва стала рассматривать брошку. Очень оригинальное старинное украшение, вероятно, восьмидесятых годов.

Аэроплан зашумел над домом. Мисс Минерва подошла к окну. Молодой офицер воздушного флота, влюбленный в юную, прелестную девушку, живущую на берегу океана, каждое утро на рассвете приветствовал избранницу своего сердца. Лишь немногие обращали внимание на этот аэроплан, но взор мисс Минервы с теплым участием следил за тем, как летчик проделывал над гаванью смелые петли.

Юность и любовь – начало всякой жизни. А внизу, на походной кровати, на ланаи лежал убитый Дэн. Конец...

Глава VIII

Приход парохода

На рейде у входа в гавань неподвижно стоял «Президент Тейлор», и с ахтерштевня, около борта своей каюты, Джон Уинтерслип увидел утром Гонолулу. Перед ним расстилась совершенно чужая страна. На много миль тянулись дамбы и некрасивые амбары, характерные для всякого портового города. А дальше на фоне блестящей яркой зелени вырисовывались фронтоны не очень высоких небоскребов. На горизонте виднелась горная цепь с голубыми верхушками.

– Приготовься к маленькому сюрпризу! – сказала Барбара, подходя к Джону. – В Гонолулу пароходы встречают более торжественно, чем в других местах и... – Увидев приближавшегося к ней Дженнисона, она поспешно отошла от своего кузена.

– Приехали! – раздался голос Боукера. – Вот и Гонолулу. Великий океан плюс манжеты и фордовские автомобили. Полинезийцы с винокурными заводами и всякими другими дарами культуры. Но, слава богу, сегодня в восемь вечера мы уходим отсюда.

– Вам, кажется, надоели Гавайские острова?

– Да, сыт ими по горло! Моя мечта поселиться в каком-нибудь маленьком городишке, купить там газетку и стать издателем. Кто знает, может быть, это когда-нибудь и осуществится. Позвольте, сэр, пожелать вам всего хорошего и помнить о том, что я говорил вам про околехау.

– Благодарю вас, Боукер. Прощайте!

«Президент Тейлор» медленно двинулся к пристани. На берегу стояла толпа ожидающих. Барбара снова подошла к Джону и встала рядом с ним.

– Папочка, хороший мой папочка! Девять месяцев был один. Сегодня для него большой праздник. Я знаю, что ты тоже полюбишь папу.

– Ну конечно, милая! – искренне ответил Джон.

– Вон тетя Минерва! Дядя Эмос! – воскликнула Барбара, глядя в толпу встречающих. – Но где же папа? Почему я его не вижу?..

Джон с Барбарой и Дженнисоном сошли на берег одними из первых. Барбара бросилась в объятия мисс Минервы.

– Здравствуй, милая! – сказала мисс Минерва, нежно обнимая и целуя девушку. – Здравствуй, Джон!

– А где же папа? – спросила Барбара.

– Я расскажу тебе обо всем в автомобиле.

– Нет, нет, сейчас! – с тревогой в голосе проговорила Барбара. – Я чувствую, что-то случилось. Не томи меня.

Они стояли среди толпы, радостно приветствовавшей приехавших родственников и знакомых. Королевский гавайский оркестр играл веселую песенку, а масса цветов, веселые возгласы, поцелуи, гирлянды создавали впечатление карнавала.

– Твой отец умер! – проговорила мисс Минерва.

Барбара на момент окаменела.

– Едем домой! – сказала она затем и решительно направилась к автомобилю.

Через несколько часов по приезде в дом Дэна Уинтерслипа Джон спустился из своей комнаты на верхнем этаже вниз в гостиную, где его ожидала мисс Минерва. Джон решил сразу повести атаку на тетку.

– Мама очень удивляется тому, что ты не возвращаешься домой! – сказал он.

– Знаю, но я не уеду отсюда до тех пор, пока не будет найден убийца Дэна. И я нахожу нужным, чтобы ты тоже принял участие в розысках убийцы. В такой дыре, как Гонолулу, полиция, конечно, не стоит на особой высоте. Она с удовольствием согласится на твою помощь...

– На мою помощь? Да ведь я не сыщик! И как это тебе могло прийти в голову делать мне такое предложение?

– Видишь ли, Джон! Если мы, Уинтерслипы, не будем стоять близко к делу розыска, то могут всплыть обстоятельства, компрометирующие имя Уинтерслипов. Если же ты будешь работать вместе с полицией, то легко можно будет скрыть от публики не совсем чистые делишки Дэна. Это надо сделать ради Барбары.

– Нет, тетя, избавь меня от этой миссии! Через три дня я уезжаю в Бостон, и ты едешь со мной. Начинаю собираться.

– Да, такой же тактики придерживался твой отец, но, насколько мне известно, он этим не достигал цели! – твердо заявила мисс Минерва. – Пойдем на веранду, я познакомлю тебя с начальником полиции.

– Здравствуйте, мистер Хэллет! – сказала мисс Минерва, выходя на веранду. – Позвольте познакомиться вас с моим племянником – мистером Джоном Уинтерслипом из Бостона.

– Очень приятно! – ответил Хэллет.

– А вот это, Джон, мистер Чарли Чан из уголовного розыска.

В разговор вмешался Дженнисон:

– Как ужасна вся эта история, мисс Уинтерслип. Вы знаете, что я был поверенным вашего кузена; но я был также и его другом. Надеюсь, вы не будете иметь ничего против того, чтобы я, со своей стороны, содействовал успеху розыска.

– О, пожалуйста, мы будем очень рады!

Хэллет вынул из кармана лист бумаги и, пристально глядя на Джона, сказал:

– Я очень рад, что встретил вас. Мисс Уинтерслип рассказывала нам о телеграмме, полученной покойным мистером Дэном Уинтерслипом на прошлой неделе. Разрешите прочитать вам копию ее: «Джон едет на “Президенте Тейлоре”. Вследствие несчастного происшествия – с пустыми руками». Подписано: «Роджер Уинтерслип».

– Что же из этого следует? – высокомерно спросил бостонец.

– Объясните эту телеграмму!

– Это чисто семейное дело, и я не намерен давать вам никаких объяснений.

– Вы ошибаетесь! Все, что касается мистера Дэна Уинтерслипа, теперь перестало быть частным делом. Не задерживайте меня, сегодня я очень занят.

– Я уже сказал... – начал было Джон.

– Джон! – вмешалась мисс Минерва. – Делай то, что тебе приказывают!

– Ну что ж! Если она хочет, чтобы семейные дела стали известны другим...

И, как бы колеблясь, Джон нерешительно рассказал о письме Дэна Уинтерслипа и о неудачной попытке достать шкатулку с чердака дома Дэна в Сан-Франциско.

– Вы говорите, шкатулка с инициалами *Т. М. В.* А что в ней было?

– Не имею ни малейшего понятия, – ответил Джон.

– Так! Сегодня при дневном свете мы произвели тщательный обыск в доме, к сожалению не давший особенно ценных результатов. Но около цементированной дорожки, вот у той двери, – он показал на стеклянную дверь, выходящую из гостиной в сад, – Чарли сделал открытие.

Чан выступил вперед, держа на ладони какой-то небольшой белый предмет.

– Половина папиросы, выкуренной не до конца! – изрек Чан. – Чрезвычайной свежести, не пропитанная влагой. Принадлежит к папиросам марки «Корсика», изготовлена в Лондоне и обычно потребляется англичанами.

– А мистер Дэн Уинтерслип курил папиросы? – обратился Хэллет к мисс Минерве.

– Нет, сигары и трубку! – ответила мисс Минерва.

– Кроме вас и него никто не жил в этом доме?

– Я до сих пор не сделала уступки моде и не курю! – отрезала мисс Минерва.

– А курит ли прислуга?

– Кое-кто из прислуги курит, но вряд ли папиросы такого высокого качества. Насколько мне известно, их нельзя достать в Гонолулу.

– Совершенно верно! – подтвердил Хэллет. – Чан сообщил мне, что они упаковываются в герметически закупоренные коробки и рассылаются по всему земному шару. Чарли! Сохраните этот окурок, а теперь мы поедем к мистеру Эгану.

– Разрешите поехать с вами? – проговорил Дженнисон.

– Пожалуйста! – любезно ответил ему начальник полиции.

– Мистер Хэллет! – вмешалась мисс Минерва. – Я хочу, чтобы один из членов нашей семьи постоянно находился в тесном контакте с вами и в случае надобности мог бы оказывать вам возможное содействие. Мой племянник с удовольствием примкнет к вам...

– Прости, милая, – прервал ее Джон, – ты ошибаешься. Я не имею ни малейшего желания служить подкреплением для полиции.

– Гм, как вам угодно! – заметил Хэллет и, обращаясь к мисс Минерве, сказал: – На вас, сударыня, я рассчитываю во всяком случае. Природа одарила вас пронизательным умом. Это сразу бросается в глаза.

– Благодарю вас.

– Ясным, как ум мужчины! – добавил Хэллет.

– Ну, этим добавлением вы испортили весь комплимент. До свиданья!

Когда трое мужчин вышли через стеклянную дверь в сад, Джон отправился наверх, чтобы переодеться. Внизу у лестницы он услышал глухие рыдания, всхлипывания, стоны. «Барбара! – пронеслось в его голове. – Бедная Барбара, которая еще недавно была так счастлива!»

Джон почувствовал, как кровь прилила к его вискам. Как смел кто-то поднять руку на Уинтерслипа?! Как смел кто-то причинить страдания его кузине! Барбаре! Он сжал кулаки. В этот момент он был готов на все, даже на убийство. Действовать, действовать во что бы то ни стало! И, повернув назад, он стрелой пронесся мимо недоумевающей мисс Минервы и бросился на аллею, где стоял полицейский автомобиль.

– Я еду с вами! – крикнул он им.

– Садитесь!

И автомобиль покатил по аллее Калиа-Рoad.

Джон Уинтерслип сидел гордо выпрямившись, с блестящими глазами рядом с толстым, ухмыляющимся китайцем.

Глава IX

В отеле «Рифы и пальмы»

Джон, охваченный жаждой деятельности, вскочил в автомобиль, не надев шляпы, и солнце немилосердно жгло его каштановые волосы. Чарли Чан, бросив на него искоса взгляд, сказал:

– Покорнейше прося у вас извинения, позволю себе заметить, что не следует выходить без головного убора; в особенности потому, что вы малихини.

– Это еще что такое?

– Употребленное мною выражение не содержит в себе ничего оскорбительного. «Малихини» – это значит чужестранец, пришелец.

– Ах, вот что! – Джон с любопытством посмотрел на китайца. – А вы тоже малихини?

– Ни в коем случае! Я камааина, давно живущий здесь, оседлый житель. Приподнимая далее завесу истины, позволю себе сказать, что я живу на этих островах уже двадцать пять лет.

Через несколько минут Хэллет остановил автомобиль у полуразрушенного забора, за которым расстился сад неземной красоты. Мужчины вошли в калитку, дверца которой уныло болталась на одной петле, прошли по запущенной дорожке и вскоре очутились около старого ветхого дома. Они подошли к одному крылу здания, и Джон увидел, что большая часть отеля стоит на обрыве у самого берега. Это был двухэтажный дом с крытыми балконами по сторонам. На нем все еще лежал отпечаток известного изящества; когда-то он гармонировал с окружающим его великолепным и богатым ландшафтом. Теперь по его стенам вились цветущие виноградные ветки, трогательно стараясь скрыть от мира следы разрушения и упадка.

– Настанет день, – торжественным тоном изрек Чан, – подгниют подземные устои, и отель «Рифы и пальмы» с ужасным хлопотанием обрушится в море.

При ближайшем рассмотрении отеля Джон убедился, что предсказание китайца могло ежеминутно исполниться.

Из отеля поспешно вышел какой-то человек. Его когда-то белый костюм пожелтел, лицо выглядело изможденным, глаза смотрели устало и разочаровано. Но на нем, как и на отеле, лежал отпечаток былого изящества.

– Мистер Эган! – резко произнес Хэллет. – Здравствуйте! Мне надо немедленно переговорить с вами.

– К сожалению, сейчас не могу. Крайне важные дела в городе. Я и так опаздываю. Когда-нибудь в другой раз.

– Нет, немедленно! – повелительным тоном сказал начальник полиции. – Входите в отель!

Эган побагровел от возмущения:

– Черт побери! Как вы смеете так разговаривать со мной!

– Нечего представляться! Вы знаете, по какому делу я приехал сюда!

– Не имею ни малейшего понятия.

– Дэн Уинтерслип найден сегодня ночью убитым! – проговорил Хэллет, не сводя глаз с лица Эгана.

Эган снял шляпу и беспомощно посмотрел на Хэллета.

– Я читал уже об этом в утренней газете. А я-то тут при чем?

– Вы были последним, кто видел его в живых! Ну, не задерживайте меня, идемте.

Они прошли через скудно меблированный вестибюль в небольшую комнату, служившую конторой. В ней царил ужасный беспорядок. Повсюду валялись груды покрытых пылью журналов и газет, а пол был усеян старыми разорванными конторскими книгами. Дженнисон разостлал на окне газету и сел. Для остальных посетителей Эган освободил стулья.

– Господин полковник, – начал Эган, – если вы изложите ваше дело кратко, я еще, может быть, успею...

– Никуда вы не поедете! Слушайте, Эган! Нам известно, что вы вчера около половины восьмого вечера телефоновали Дэну Уинтерслипу о том, что вы не хотите быть у него в условленный час. Он настоял на встрече с вами, и вы пришли к нему около одиннадцати вечера. У вас был с ним довольно крупный разговор. В двадцать пять минут второго Дэн Уинтерслип был найден убитым. Что вы имеете сказать по этому поводу?

Джим Эган провел рукой по своим волосам.

– Да, я был у него, – проговорил он. – Извините, вы ничего не имеете против, если я закурю?

Вынув серебряный портсигар, он закурил папиросу дрожащей рукой.

– Да, мы с Уинтерслипом условились встретиться вчера вечером. Но днем я раздумал идти к нему, протелефоновал ему, что не приду, но он настоял на нашей встрече. В одиннадцать вечера я уже был у него.

– Кто вас впустил в дом?

– Уинтерслип ожидал меня в саду. Мы вошли в дом.

Хэллет бросил искоса взгляд на папиросу, которую курил Эган.

– Через дверь, которая ведет прямо в гостиную? – осведомился он.

– Нет! – ответил Эган. – В большую калитку, которая ведет к веранде. Там мы поспорили в связи с тем делом, которое привело меня к нему. Через полчаса я ушел. Когда я уходил, Дэн Уинтерслип был жив и здоров и в хорошем настроении.

– А в какую дверь вы ушли?

– Через ту же, в какую вошел.

– Хм! – Хэллет на минуту задумался. – А может быть, вы возвращались в дом?

– Нет, я пошел прямо к себе и лег спать.

– Вас кто-нибудь видел вечером в отеле?

– Нет! Лакей уходит спать в одиннадцать вечера, а ночной прислуги у меня нет.

– Скажите, Эган, вы встречались раньше с Дэном Уинтерслипом?

– Не помню, возможно.

– Это не ответ. Да или нет?

– Тогда... да! Один раз в Мельбурне. Более двадцати лет тому назад.

– И вот вчера, после более чем двадцатилетнего перерыва, вы телефоновали ему? По какому же делу?

– Этого я не могу сказать.

– Нет, вы обязаны!

– Нет и нет! И ничто не заставит меня сказать кому бы то ни было, о чем мы говорили с Дэном Уинтерслипом.

Эган раздраженно швырнул окурок папиросы в пепельницу.

Джон увидел, что Хэллет подмигнул Чану. Китаец подошел к пепельнице, взял окурок, и радостная улыбка заиграла на его одутловатом лице.

– Марка «Корсика», – сказал он, обращаясь к Хэллету.

– Откуда у вас эти папиросы? – спросил Хэллет Эгана.

– Мне подарили.

– Кто?

– Не могу сказать.

В глазах Хэллета вспыхнул злой огонек:

– Разрешите привести вам несколько фактов. Вчера вы были у Уинтерслипа, вошли и вышли через переднюю дверь и, как утверждаете, в дом больше не возвращались. Но несмотря

на это у двери, ведущей в гостиную, найден окурочек папиросы этой же редкой здесь марки. Может быть, теперь вы соблаговолите сказать, кто же подарил вам эти папиросы?

– Нет! – резко проговорил Эган. – Я не скажу.

– Тогда наш разговор кончен. У меня нет ни малейшего желания проводить с вами время. Но судебный следователь поговорит с вами. Идемте с нами. Вы задержаны.

– Послушайте, мистер Хэллет! Правда, в силу некоторых обстоятельств я не могу передать вам наш разговор с Уинтерслипом. В этом все мое несчастье. Но не думаете же вы серьезно, что это я убил его?

Дженнисон быстро соскочил с подоконника и выступил вперед.

– Мистер Хэллет, позвольте заявить вам следующее: года два-три тому назад мы гуляли с Уинтерслипом и на Кинг-стрит встретили Эгана. Мистер Уинтерслип показал мне на него и сказал: «Гарри, вот этого человека я боюсь». Я спросил почему, но не получил ответа.

– Благодарю за это сообщение, мистер Дженнисон! – проговорил Хэллет. – Мистер Эган, следуйте за мной.

– Само собой разумеется, что я не откажусь последовать за вами. Одного не понимаю, почему вы все преследуете меня. За что? Почему все смотрят на меня с пренебрежением...

– Ах, перестаньте! – перебил его Хэллет. – Может быть, вы желаете дать какие-либо распоряжения прислуге? Разрешаю. Чарли, вы пойдете с мистером Эганом. Но прошу нас не задерживать. Нам очень некогда.

Однако Хэллету пришлось подождать довольно долго. Когда появился Эган, Хэллет с раздражением накинулся на него:

– Послушайте, Эган! Что это значит? Вы выигрываете время?

Эган рассмеялся:

– Совершенно верно, господин полковник. Моя дочь приезжает сегодня на «Матсонии». Я не видал ее девять месяцев. Вы лишили меня удовольствия встретить ее, но...

– Нечего разговаривать! – вскричал Хэллет. – Берите шляпу, и идем.

Эган в сопровождении полицейских вышел из сада. И как раз в этот момент у тротуара остановился таксомотор, из которого выпорхнула молодая девушка. К своему великому удивлению, Джон узнал в ней незнакомку, с которой он ехал на пароме.

– Папочка! Милый! Куда ты? Почему ты меня не встретил на пристани?

– Прости, дорогая! Ну, как поживаешь?

– Очень хорошо! Но ты куда-то уезжаешь?

– Да, ненадолго по делу. Не беспокойся обо мне. Может быть, я несколько задержусь!

И, поцеловав дочь, Эган сел в полицейский автомобиль. Джон сказал, что он нагонит их в другом автомобиле.

Девушка растерянно посматривала кругом. Вдруг ее глаза встретились с глазами Джона:

– Как? Вы... здесь?

– А ведь вы были правы: мне цилиндр здесь действительно не нужен.

– Скажите мне, что это значит? Кто эти люди? Куда они увезли папочку? Говорите правду!

Прекрасные черные глаза умоляюще смотрели на Джона. Бостонец не выдержал и откровенно рассказал ей обо всем.

– Ваш отец, наверное, невиновен, – закончил Джон. – Он, может быть, хочет покрыть кого-нибудь...

– Разумеется! Но если он решит, что надо молчать, то из него слова не выбьешь. В этом отношении он ужасно упрям. И они будут долго держать его в тюрьме. Я так одинока. Я не принадлежу к так называемому «обществу»...

– Чепуха! – перебил ее молодой человек. – Позвольте представиться. Я – Джон Уинтерслип из Бостона. А вы?

– Карлотта Мария Эган! Моя мать была полупортугалка-полушотландка, а отец – англичанин. Да, теперь надо приниматься за дело. Мне придется вести все хозяйство. Писать счета. А я, правду сказать, не очень сильна в арифметике.

– Я помогу вам, если разрешите! Как жаль, что мне надо сейчас в полицию. Я бы...

– Благодарю вас! А вы надолго приехали в Гонолулу?

– Я приехал сюда на несколько дней, но теперь мои планы изменились. Я не уеду отсюда до тех пор, пока не выяснится история с убийством моего дяди. Много причин задерживает меня здесь. Прощайте!

Джон быстро прошел по саду и вышел на Калакауа-авеню. Солнце безжалостно жгло его непокрытую голову. Огромные деревья размахивали пурпурными кронами, ласковые пассаты шевелили веерами высоких кокосовых пальм, на белоснежном берегу играли волны всех цветов радуги. Сказочная, фантастическая страна!

Хотелось ли Джону в этот момент, чтобы его невеста Агата Паркер шла рядом с ним, наслаждаясь этой очаровательной природой? «Быстрыми шагами нагоняя истину», – как сказал бы Чарли Чан.

Джон этого не хотел.

Глава X

Газета, порванная в гневе

Джон нашел свою тетку в гостиной в большом волнении. Она возбужденно ходила взад и вперед по комнате.

– Что случилось? – спросил он.

– Мне только что пришлось проглотить изрядную порцию пиликиа, – ответила она.

– Это что такое? Туземный напиток? Нельзя ли мне попробовать его?

– Ах нет! Пиликиа – это значит волнение, – перевела мисс Минерва. – У нас в доме только что перебивало множество газетных репортеров, которые бесцеремонно совали свой нос повсюду. Но я сумела переговорить с ними. А как дела в отеле «Рифы и пальмы»?

Джон посвятил ее во все подробности дела.

– Меня нисколько не удивляет, что на Эгана пало подозрение в убийстве. Эган очень подозрительный тип, не пользующийся здесь особым уважением. Авантюрист, выскочка.

– Тетя! А ты не ошибаешься? По-моему, это просто человек, которому не повезло в жизни. Его дочь...

– У него есть дочь?

– Да, и к тому же очень красивая.

– Вот как! – пробормотала мисс Минерва. – Я сейчас еду в город за покупками.

– Скоро вернешься?

– Как только буду раи.

– А это что значит?

– Раи – готов, кончен, исполнен.

– Боже мой! Неужели ты уже разучилась говорить по-английски?

– Не в этом дело, Джон, но мне кажется, что гавайские слова вносят некоторое разнообразие в нашу речь. До свиданья!

Поднявшись в свою комнату, Джон сел писать письмо Агате.

«Дорогая Агата!

Итак, я уже в Гонолулу, и до моего слуха доносится ленивый плеск волн о знаменитый берег...»

На этом он остановился. Письмо почему-то не клеилось. Джон встал, подошел к окну, уставился на облачко, плывшее над Алмазной горой. Потом подошел к уютной гавайской кровати, откинул полог от москитов, улегся и заснул крепким сном. Как это противоречило его бостонским привычкам!

Проснулся он только к пяти часам. Мисс Минерва уже вернулась.

– Что нового в вечерних газетах, тетя?

– Обычная история: убийца или убийцы не разысканы. Но знаешь ли, когда я читала газету в автомобиле, мне пришла в голову одна мысль.

– Какая?

В дверях, ведущих в гостиную, выросла фигура Хаку.

– Вы звонили, мисс? – спросил он.

– Да, Хаку. Что вы делаете со старыми газетами?

– Их складывают в кладовке рядом с кухней, – ответил слуга.

– Посмотрите, нет, лучше я сама.

И мисс Минерва вместе с Хаку направилась в кладовку. Через несколько минут она вернулась оттуда с торжествующим видом.

– Есть! Вечерний выпуск, понедельник, шестнадцатое июня, когда он написал Роджеру письмо. И смотри, Джон, угол со списком пассажиров, едущих на пароходе, оторван.

– Может, это случайность?

– Нет, не случайность. Вот здесь след пальцев. Заметка, так взволновавшая Дэна, находилась в этом углу газеты.

– Что из этого следует?

– Надо действовать. Возьми этот газетный лист и поезжай к Хэллету, нет, лучше отдай его Чану. Автомобиль занят, но в гараже есть велосипед.

– Я поеду на трамвае! – сказал Джон.

Мисс Минерва объяснила ему кратчайший путь в полицейское управление, и Джон, взяв шляпу, отправился исполнять ее поручение.

В трамвае Джон увидел себя окруженным представителями чуть не дюжины разных национальностей. Трамвай быстро бежал по низменной болотистой равнине между Вайкики и Гонолулу мимо рисовых полей, на которых по колено в воде стояли странные фигуры туземцев, а затем повернул на Кинг-стрит. Каждые несколько минут он останавливался, впитывая в себя все новые и новые иммиграционные проблемы китайцев, гавайцев, португальцев, филиппинцев, корейцев; казалось, что здесь представлены все оттенки кожи и все вероисповедания. Все дальше и дальше неслись трамвай. Джон увидел большое здание в роще цветущих деревьев, японский театр со множеством колыхавшихся на ветру вывесок, неподалеку от него отделение завода Форда, затем огромный дом – старинный королевский дворец, и наконец трамвай свернул в торговую часть города.

«Киплинг не прав, – подумал Джон, – Восток и Запад могут уживаться друг с другом, хотя бы, например, здесь».

Джон, сойдя с трамвая и побродив некоторое время по совершенно чуждым ему улицам, почувствовал еще острее это слияние восточной и западной культур. Темнокожий полицейский регулировал на перекрестке движение. По тротуару разгуливали элегантные, щеголеватые американские офицеры, а на теневой стороне улицы стройные и опрятные молодые китайки в чистейших белых панталонах внимательно рассматривали витрины разных магазинов.

– Где здесь полицейское управление? – обратился Джон к какому-то высокому американцу с приветливым лицом.

– Вам надо вернуться на Кинг-стрит, – ответил прохожий. – Затем идите направо, дойдете до Беззеля, а потом поверните направо.

– Куда повернуть?

Человек усмехнулся:

– А вы малихини, понимаю. Макай означает направление к морю, а противоположное направление – маука, то есть к горам. Полицейское управление у подножия Беззеля, в Калакауа-Хэл.

Поблагодарив незнакомца, Джон направился по указанному ему пути и вскоре нашел здание полицейского управления. Там ему сказали, что мистер Чарли Чан ушел обедать, по всей вероятности, в ресторан «Американский». Джон решил разыскать его. По пути он зашел на телеграф и отправил две телеграммы в Бостон: одну – матери, другую – Агате Паркер. В каждой телеграмме заключалось всего три слова. Но, выйдя на улицу, он ощутил приятное сознание исполненного долга. Писать письмо Агате ему не хотелось.

Джон заметил, что здесь он был единственным американцем.

В ресторане он действительно застал Чарли Чана, сидевшего за столом. При приближении Джона китаец встал и отвесил ему низкий поклон.

– Какая выдающаяся честь! Неужели я могу предположить, что вы согласны отвесть одно из этих ужасных кушаний?

– Нет, благодарю вас! – ответил Джон. – Я обедаю дома позднее. Если разрешите, я на минутку присяду к вам.

– Чрезвычайно польщен! – ответил китаец.

Затем, опустившись на стул, он воззрился своими раскосыми глазами в какое-то неподдающееся определению кушанье, поданное ему на блюде.

– Кельнер! Будьте так любезны попросить сюда хозяина этого учреждения.

Хозяин, предупредительный низенький японец, видимо польщенный приглашением Чана, подошел к китайцу и отвесил ему низкий поклон.

– Как вы смеете подавать здесь такие неаппетитные кушанья? – строгим тоном спросил Чан.

– Соболаговолите пояснить точнее причину вашего недовольства! – проговорил японец.

– На поданном паштете видны отпечатки пальцев. Вид этого кушанья возбуждает чрезвычайное отвращение. Будьте столь любезны унести это блюдо и подать мне более гигиеничный кусок.

Японец немедленно исполнил его требование.

– Ах, эти японцы! – пискнул Чан, выразительно растопырив руки. – Смею ли я сделать заключение, что вы пожаловали ко мне по делу, имеющему отношение к убийству?

Джон не мог удержаться от улыбки.

– Совершенно верно! – ответил он. Вынув из кармана газету, он указал на дату и на оборванный угол. – Моя тетя высказывает предположение, что эта газета может дать некоторые нити для расследования дела.

– Ваша тетя умная дама! – проговорил Чан. – Я достану целый экземпляр этой газеты и сравню с вашим. Значение может быть огромным.

– Послушайте, Чан! Вы ничего не имели бы против того, если бы я помогал вам в расследовании убийства моего дяди?

– Могу выразить только свое восхищение. Вы приехали сюда из Бостона, города самой высокой культуры, в котором принято употреблять гораздо больше английских слов, чем здесь. Меня пронизывает дрожь, когда я слышу вашу речь. Ваше предложение для меня чрезвычайно лестно.

– Составили ли вы себе какую-нибудь теорию относительно убийства? – спросил Джон.

Китаец сделал отрицательный жест головой:

– Еще преждевременно.

– А нет ли где-нибудь отпечатков пальцев, которые навели бы вас на верный след?

Чан пожал плечами:

– Отпечатки пальцев – это ничто. Мой опыт побуждает меня при всяком преступлении раздумывать прежде всего о человеческой расе, о человеческих страстях. Какова обычно подоплека убийства? Ненависть, месть, необходимость заставить замолчать того, кого убивают, иногда корыстолюбие. Я всегда углубляюсь в изучение человеческой природы.

– Это правильно! – вставил Джон.

– В высшей степени! – добавил Чан. – Давайте рассмотрим те данные, которые могли бы навести нас на след. Книга посещений, в которой вырвана страница. Пуговица от перчатки. Телеграмма. В высшей степени странные показания Эгана. Окурки папиросы марки «Корсика». Газета, разорванная, быть может, в порыве гнева. Часы на двигающемся запястье. Цифра два, неясная на циферблате.

– Недурная коллекция! – усмехнулся Джон.

– Чрезвычайно интересная! – подчеркнул китаец. – Мы проследим все следы. Одни из них не приведут нас ни к чему, а другие, быть может, не будут столь неблагодарны. Я предпочитаю идти только по существенным следам. Но здесь этот метод непригоден. Надо проследить все следы без исключения.

– «Только по существенному следу»... А что же это?

– Об этом еще рано говорить. Меня очень интересуется вырванная страница книги. А также часы. Плохо, что их сейчас нет в моих руках. Но мои глаза острые, чтобы их открыть.

– У вас блестящие способности к розыску!

Лицо Чана расплылось в широкую улыбку.

– Вы человек ученый, и вы, может быть, знаете, что китайцы – народ с самыми тонкими чувствами. Мы восприимчивы, как пластинка фотографической камеры, мы реагируем на взгляд, усмешку, жест...

Вдруг Джон увидел в дверях ресторана какое-то смятение, и затем в комнату ввалился стюард Боукер, вдребезги пьяный. Джон постарался отвести от него глаза, но было уже поздно. Боукер шел прямо к нему. За ним шел темнокожий стройный юноша.

– А! Здравствуй, коллега! Увидел тебя в окно! Как поживаешь?

– Благодарю, хорошо! – пробормотал Джон.

– Выпьем, дружище!

И Боукер, пошатываясь, подозвал кельнера.

– Спасибо, не хочу, Боукер. Вы сами предупреждали меня не пить туземных напитков.

– Кто – я? – оскорбленным тоном воскликнул Боукер. – Не может быть. Я... нет... это кто-нибудь другой...

Смуглый юноша схватил его за рукав:

– Ну пойдем, ведь у тебя служба...

– Пшел! – заревел Боукер, освобождаясь из его рук. – Отстань! Я себе хозяин или нет? Не смею перекинуться словом со старым приятелем? Пшел! Ну, Джон, чего хочешь?

Спутник Боукера снова схватил пьяного за рукав:

– Да послушай, здесь ничего нельзя купить. Здесь ресторан. Пойдем, я знаю место...

– Ну ладно, пойдем. Уинтерслип, друг, пойдем с нами!

– Хорошо, но только в другой раз. Прощайте!

– Как угодно!

Еле держась на ногах, Боукер вышел из ресторана.

– Стюард с «Президента Тейлора», – пояснил Джон китайцу.

Кельнер принес Чану новую порцию паштета. Чан ткнул в нее вилкой:

– У этого куска более аппетитный вид... да только вид, а приготовлен он омерзительно.

Пойдемте, мне пора.

На улице Чан на минуту остановился.

– Простите мой неожиданный уход из ресторана. В высшей степени польщен вашим предложением работать со мной. Убежден, результаты будут поразительны. До свиданья.

И снова Джон остался один в этом столь чуждом ему городе. Тоска по родине сжала его сердце. Джон подошел к газетному киоску.

– Дайте мне последний номер «Атлантик».

Продавец протянул ему журнал в темно-коричневой обложке.

– Ах, это июньский номер, он у меня уже есть... Жаль, что у вас нет июльского номера...

Джон пошел домой, опечаленный тем, что ему не удалось получить июльского номера. Эта темно-коричневая книжка была для него в данный момент символом связи с родиной, признаком того, что Бостон еще существует. Он ощущал жгучую потребность такой связи с родными местами.

Показался трамвай с надписью «Вайики», и Джон вскочил в него. Три оживленно болтавшие японочки в пестрых и ярких кимоно поджали свои маленькие ножки в сандалиях, чтобы пропустить нового пассажира.

Глава XI

Дерево из драгоценных камней

Барбара по-прежнему проводила все время в своей комнате и даже не выходила к обеду, так что Джон обедал вдвоем с мисс Минервой.

– Хочу похвастаться, тетя, как быстро я изучил новый язык. Я раи. Теперь я иду макаи отдохнуть на ланаи от всех пиликиа сегодняшнего дня.

Мисс Минерва рассмеялась:

– Молодец! А вот и Эмос! – прибавила она, увидев входящего на веранду кузена.

– Ты просила меня зайти к тебе? – вялым тоном проговорил Эмос.

– Да, Эмос. Вот в чем дело: при раскрытии убийства Дэна могут всплыть некоторые компрометирующие факты из жизни покойного...

– О да, и еще какие, – вставил Эмос.

– Ради Барбары мы, Уинтерслипы, должны приложить все старания к тому, чтобы они не стали известны широкой публике. Вот почему я не сообщила полиции всего того, что мне известно.

– Что-о?! – воскликнул Эмос.

Джон вскочил с кресла:

– Послушай, тетя!

– Успокойтесь, а ты, Джон, садись! – прошипела мисс Минерва. – Скажи, Эмос, что тебе известно о личной жизни той особы, которая была близка покойному Дэну?

– Об Эрлин Комтон? Что же тебе сказать... Мне говорили, что последнее время около нее околачивается какой-то подозрительный субъект по фамилии Летерби; его присутствие было якобы очень неприятно Дэну...

– Вот что! Скажи, Эмос, знакома ли тебе вот эта вещь? – И она подала кузену оригинальную старинную брошку с изображением дерева из бриллиантов на фоне оникса.

– Еще бы! Она из коллекции драгоценностей, которую Дэн привез в восьмидесятых годах с островов Тихого океана. Были такие же серьги и браслет. Но никому из нашей семьи он не давал их носить. Недавно я видел эту брошку. Она была на этой самой Эрлин Комтон, когда она приходила в нашу контору вносить арендную плату за свой домик. А как она к тебе попала?

– Мне принесла ее Камаикуи сегодня утром. Она нашла ее до прихода полиции.

Джон снова вскочил:

– Нет, тетя, таких вещей нельзя делать! Дай мне брошку, и я немедленно вручу ее Чану. Иначе мне стыдно будет смотреть ему в глаза. Ах, это прямо непростительно! Весь ужас в том, что ты воображаешь себя Шерлоком Холмсом в юбке.

– Я хочу предложить вам следующее! – невозмутимо произнесла мисс Минерва. – Во избежание излишней огласки я нахожу необходимым поговорить с этой Эрлин Комтон, и если она даст удовлетворительные объяснения относительно броши, то нам удастся скрыть некоторые темные факты из жизни Дэна. Кто же из нас переговорит с этой особой?

– Увольте меня! – пробормотал Эмос.

– И меня! – присоединился Джон.

– Тогда я пойду к ней! – решительно заявила мисс Минерва.

– Нет-нет, тетя, я передумал! – воскликнул Джон, вспомнив действия своей энергичной тетки. – Я согласен.

Когда Джон Уинтерслип через два часа выходил от Эрлин Комтон, оказавшейся вопреки его ожиданиям молоденькой и хорошенькой женщиной, у него было сознание хорошо выполненного поручения. Несмотря на уловки, чисто женские увертки и лживые излияния этой весьма кокетливой особы, Джон определенно выяснил, что она виделась с Дэном вчера в десять

часов вечера, что у них был крупный разговор по поводу мистера Летерби, остановившегося в ее доме, что Дэн дал ему триста долларов на отъезд в Австралию. И в руках у него была брошка, которую он получил от Эрлин Комтон; правда, она отдала ему ее не совсем добровольно. Джон решил сейчас же поехать к Чану и рассказать ему обо всем.

Выйдя на Калиа-роуд, он увидел, что находится неподалеку от отеля «Рифы и пальмы», и направился туда, чтобы из отеля протелефонировать Чану. У телефонной будки отеля он столкнулся с Карлоттой.

– Здравствуйте! – сказал он. – Как дела?

– Неважно! – ответила девушка, имевшая очень расстроенный вид. – Папу задержали, по-видимому, в качестве свидетеля. Говорят, что его можно было бы отпустить под залог, но у нас нет денег. Так, по крайней мере, мне казалось раньше.

– А теперь? – с удивлением спросил Джон.

Вместо ответа девушка подала ему узенький лист бумаги, оказавшийся векселем на пять тысяч долларов на предъявителя. На векселе была дата вчерашнего дня и подпись Дэна Уинтерслипа.

– Я нашла это у папы на столе, – добавила она. – Мне кажется, что это важный документ.

– Безусловно! – проговорил Джон. – Ведь если ваш отец владеет этим векселем, то не в его интересах было бы убивать Дэна и тем самым мешать выплате денег. Впрочем... А когда вы теперь увидите вашего отца?

– Мне обещали дать свидание завтра.

– Укажите ему на то, что вексель доказывает его полную невиновность.

– Хорошо, спасибо за совет! Я вам так благодарна... Вы знаете, я теперь так одинока...

– Ну а как вы справляетесь со всякими счетами и расчетами? Не натолкнулись еще на какую-нибудь арифметическую задачу?

– Пока еще нет.

– Мне надо спешить! До свиданья, мисс Эган!

Когда они проходили по веранде, им встретился один из обитателей отеля – худощавый, низенький господин с приподнятыми плечами. Несмотря на поздний час, он был в купальном костюме.

– Как ваши поиски, мистер Сэлэдин? – осведомилась Карлотта.

– Счастье отвернулось от меня, – прошептал он и мелкими шажками потрусил в свою комнату.

Карлотта тихо рассмеялась:

– Собственно говоря, мне не следовало бы задавать такого вопроса. Бедняга Сэлэдин!

– А что с ним? – спросил Джон.

– Это турист, коммерсант из Дес-Мойнеса. С ним случилось ужасное несчастье. Он потерял в море свою вставную челюсть.

– Челюсть?

– Да, зубы, как вообще многое на этом свете, были у него фальшивые. У него вышибло челюсть прибоем, и вот теперь он целыми днями ищет ее, а по вечерам ныряет и щупает дно. Жаль мне его. Служит на берегу мишенью для всевозможных острот...

У выходной двери они остановились. Прощаясь с Карлоттой, Джон задержал ее ручку в своей руке дольше, чем следовало. Прекрасные черные глаза ласково вспыхнули...

В гостиной Дэна Уинтерслипа Джон, к своему величайшему удивлению, нашел мисс Минерву и Чана, которые чинно сидели, торжественно глядя друг на друга.

При появлении Джона Чан поспешно вскочил и раскланялся.

– Здравствуйте, тетя! – сказал Джон. – У тебя, как я вижу, гости.

– Где это ты так долго пропадал? – злобно прошипела мисс Минерва.

Разговор с китайцем, по-видимому, был не из приятных.

– Хм, я... – начал Джон.

– Можешь говорить совершенно свободно! – приказала ему мисс Минерва. – Мистер Чан все знает.

– Чрезвычайно лестно слышать это! – ухмыльнулся Чан. – Действительно, некоторые события мне не совсем неизвестны. О вашем визите к Вайкикской вдове я узнал немедленно после того, как ее дом принял вас под свою сень.

– Да как же вы это узнали, черт возьми? – воскликнул Джон.

– Очень просто, – спокойно продолжал Чан, – как я уже имел честь докладывать вам, я изучаю человеческую расу. Мадам Комтон была близкой приятельницей мистера Дэна Уинтерслипа. Мистер Летерби был соперником. Обоюдная ревность. С раннего утра мадам и ее приятель находятся под зорким наблюдением гонолулской полиции. На сцене появляетесь вы. Меня извещают об этом, и я лечу на берег.

– Так он знает также и о... – начал было Джон.

– Брошке? – закончила мисс Минерва. – Да, я созналась ему во всем. И он так мил, что простил меня.

– Но все-таки нехорошо поступать так! – добавил Чан. – Прошу покорно прощения за упоминание об этом. Когда обращаются к помощи полиции, все карты должны быть раскрыты.

– Простил-то он меня простил, – проговорила мисс Минерва, – но все-таки дружески выбранил. Как выразился мистер Чан, я должна сознаться, что поступила крайне неучтиво.

– Глубоко опечален! – промолвил Чан, отвешивая поклон.

– Но я как раз собирался к мистеру Чану, чтобы рассказать ему о брошке, – проговорил Джон. – Я телефонировал в полицейское управление. Когда я вышел из дома этой особы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.